

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
О ДИССЕРТАЦИИ КАПЛУНОВОЙ Марии Яковлевны
«ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ
ЯЗЫКОВ В КНР»,

представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Специальность 10.02.19 — Теория языка. – Москва, 2017. – 202 с.

Работа М.Я.Каплуновой выглядит для коллег просто долгожданной, тем ограднее, что автор диссертации понимает значимость темы своей работы и ее содержания во всех аспектах – в ней представлен и уникальный материал полиэтничного и многоязычного Китая, и социалингвистика и языковая политика XX-XXI веков , при этом и первое и второе с восточной спецификой (не будем расшифровывать это понятие: автор пользуется словосочетанием «с китайской спецификой»: эта специфика просматривается во всем –от истории вопроса и современной социалингвистической парадигмы КНР до законодательной базы и характера действий государственного руководства). Далее, тут присутствует и понимание Китая как уникальной социалингвистической лаборатории – отметим, что представляет собой и Россия, но не все отечественные социалингвисты пользуются этим положением, богатством материала и проблематики, разнообразия апробированного инструментария и возможности создания новых приемов, методик, и выбора новых объектов для исследований. Диссертантка все это отлично понимает и с успехом пользуется и трудами отечественных социалингвистов, и работами китайских ученых, которые отнюдь не выглядят простым материалом для анализа: это школа, достойная уважения. Языковая политика Китая как главный объект диссертации – новая тема исследований в науке, исключительно важная и для социального и лингвистического опыта, и для типологии языковых политик и понимания состава языковой политики.

О вступительной, протокольной части диссертации, представленной а автореферате и во введении, нам просто нечего сказать – кроме того, что она, на наш взгляд, на редкость удачна и совершенна. Может быть. в практическую

ценность можно было бы добавить выработку стратегий обучения русскому языку для разных территориальных и социальных групп жителей Китая для сетей учреждений, обучающих русскому языку, или при том условии, что обучение будет предусматривать дифференциацию контингента по таким группам (впрочем, китайцы в России редко открывают свою неханьскую этническую принадлежность).

Три главы диссертации «История изучения языков КНР в китайской и зарубежной социолингвистике» (с. 22-40), «Языковая ситуация и языковая политика в КНР в синхронии и диахронии» (с.46-105), «Количественные и качественные параметры функционального развития языков в КНР» (с.106-139) полностью раскрывают проблематику работы и демонстрируют не только содержание диссертации, но и ее научную содержательность. Заключение (с.140-145) компактно и лаконично подводит итоги работы. Список литературы к диссертации М.Я.Каплуновой включает 198 названий на русском, английском и китайском языках, приложение составляют социолингвистические анкеты, использованные автором для сбора материала. Отдадим должное полевой работе диссертантки – это высокий класс и профессионализм квалифицированного социолингвиста, но при оценке данной работы хотелось бы прежде всего говорить о ее обзорной и аналитической части как компонентах, наиболее интересных и полезных для специалистов.

В структуре диссертации М.Я.Каплуновой выделяется очень хороший исторический очерк китайской социолингвистики, основанный на объемной библиографии – заметим, что в известном сборнике работ китайских лингвистов (Новое в лингвистике, вып. 22. Языкознание в Китае. М., 1989) лишь 2 или 3 статьи связаны с социолингвистической проблематикой. Полезен термин *языковая жизнь*, используемый китайскими учеными – принятый у нас термин *языковая ситуация*, распространившийся с 1960-х годов, содержит намек на некие критические параметры, что и не скрывали авторы исследований о социолингвистических проблемах многих регионов и народов СССР и России. Вся Глава 1 диссертации очень информативна и прекрасно написана – как в прочем, и диссертация в целом. На с. 23 диссертации автор видит истоки китайской социолингвистики в глубокой древности – вспомним Р.Дж.Белла, который в своей книге «Социолингвистика»

(М., 1980), освещая историю науки, указывает на ветхозаветный эпизод со словом *шиболет* как на первый социолингвистический эксперимент. Любопытны разные понимания социолингвистики (с.29-30 диссертации), побуждающие вспомнить соотношение этнолингвистики и социолингвистики в истории европейской и особенно американской науки, а также оригинальное понимание этих дисциплин в монографиях А.С.Герда, в частности нескольких изданиях «Введения в этнолингвистику» (Спб., 1995, 2005 и др.).

Понятие «материнский язык» на которое обращают внимание китайские ученые (с.41 диссертации) – это серьезная проблема, особенно в поздних состояниях данного языка для определенного социума, когда он становится объектом языковой политики. Существенно, что китайская этническая и языковая политика не практикует выделения титульных наций (с.43-44) – это интересный опыт для либерально-демократической модели языковой политики, определенный шанс для будущего. Весьма наглядно освещены модели языковой политики (с.93-94), мы хотели бы к ним добавить активную и пассивную политику (консервирующее и стагнационное бездействие) – но это не китайские и не американские (ср. диссертацию И.И.Скачковой (2016), а российские и постсоветские реалии. Много интересного сказано в диссертации о языковой ситуации, удерживаемой средствами федеральной и региональной языковой политики в Гонконге и Макао с его португальским языком. Содержательно, но, как кажется, менее детализировано описание языковой ситуации на Тайване с его особой языковой политикой, многие факторы которой обусловлены присутствием континентального Китая. Детальная изученность языковой ситуации и китайскими коллегами, и автором, прослеживается в работе даже для такого народа, как хэчжэ – китайские нанайцы (с.120).

Понятно особое внимание автора диссертации к Внутренней Монголии и монголоязычным меньшинствам, с давних пор составляющим предмет исследования отечественных монголоведов, а сейчас еще и языковые формации, открытые для контактов с представителями родственных народов. Значимо то, что объектом анкетных опросов диссертантки были представители молодого поколения, те, кто определит языковую ситуацию в Китае в ближайшем будущем.

Как всегда, читая труд коллеги по проблемам языковой политики, хочется сопоставить реалии и наблюдения, представленные в работе, с собственным опытом, наблюдениями, обобщениями и пониманием той языковой политики, с которой связаны мы сами. В частности, очень бы хотелось экстраполировать материал и содержания ряда параграфов главы 3 на российские реалии и разобраться со статусом английского и немецкого языков в России – особенно последнего, превращенного в иностранный язык тогда, когда на нем говорили как на родном более 2 млн. человек, а ныне в двух «немецких» районах в Омской области и Алтайском крае нет ни одного немецкоязычного ойконима. Языковая политика Китая видна нам по сериям изданий, посвященным неханьским языкам КНР, некоторым изданиям по тунгусским (орочонский и солонский) и монгольским языкам. В сравнении с 5-томником «Языки народов СССР», имеющем 50-летний возраст это весьма эффектно.

Очень хорошо написан автореферат диссертации, раскрывающий содержание и объясняющий все детали работы коллегам.

Собственно **критические замечания** по диссертации М.Я.Каплуновой, то есть позиции принципиального несогласия, указания на несовершенства работы, просчеты, недосмотры у автора настоящего отзыва по существу отсутствуют. Большая часть сказанного ниже имеет характер вопросов или пожеланий к автору диссертации.

На с.9 автореферата и с.138 диссертации рассматривается русско-китайский пиджин. Это серьезный вопрос. На самом деле «пиджином» тут называется русская речь китайских торговцев (так они ее сами называли) - это рецептированная форма русского языка, а наименование «пиджин» для ее обозначения не отражает современного понимания этой языковой формации и не соответствует современной норме употребления данного термина. Новые материалы по этой китайской форме русского языка . что важно – по китайским источникам, готовятся к печати И.Ф.Поповой (Санкт-Петербург) в сотрудничестве с зарубежными коллегами. Называние «пиджином» русской речи аборигенов Дальнего Востока, получившее распространение в начале XXI века, просто не вполне грамотно, а таймырская «говорка», как прямо отметил один из ее открывателей Е.А.Хелимский, не отвечает статусу пиджина.

Что представляют собой татары в Китае (с.9 диссертации и реферат) – это хорошо бы выяснить и объяснить. Данный этноним имеет разное содержание: на память приходит самоназвание хакасов. Аналогичный вопрос возникает и о таджиках (с.5 диссертации) – говорят они по-таджикски, как в Душанбе, или все-же по-персидски?

В работе встретилась лишь одна фраза о языках аборигенов Тайваня (с.61), ничего не сказано даже о языке цоу, изучавшемся Н.А.Невским, и о других почти 20 австронезийских языках на Тайване. В сравнении с 56 языками меньшинств континентального Китая это было бы существенно.

Немного досадно, что в работе упомянуты диалекты ойратов (с. 123-124), ныне активно изучаемые калмыцкими исследователями (правда, в основном в Монголии), но не дана их классификация. Она есть или ее нет? Это важно, потому что монгольская диалектологическая традиция привязывает языковую формацию к локусу (населенному пункту, административному центру), но не приводит ее дифференцирующих признаков за пределами лексики.

Диссертантка много говорит об особой роли путунхуа – нормированного устного и письменного языка в языковой жизни Китая. Нет ли все же в путунхуа значимых территориальных или социальных различий? Еще в 1983 году автор отзыва слышал от военных переводчиков-китаеведов о совершенно невразумительных формах такого стандартного китайского языка. для которого они придумали остроумное название «Будунхуа».

На с.58 диссертации этнос *хуэй* выделен как народ – а на чем они говорят? А был ли у *хуэй* когда-либо родной неханьский язык? Китайские мусульмане – гетерогенная группа, сформировавшаяся на основе нескольких этносов. Тот же вопрос связан с уцулами на острове Хайнань (с.106 диссертации). Ислам в Китае, как известно, распространялся двумя путями – по суше и по морю.

В таблицах на с.120-121 диссертации среди народов Китая названы *орочоны* и *эвенки* – надо отметить, что первые – собственно эвенки (кит. *элунчун*, маньчж. *орочен* – последнее относилось ко всем народам Приамурья, живущим в удалении от Амура и его притоков, что запутало российскую классификацию тунгусоязычных народов Дальнего Востока), а *эвэнькэ* – китайское название солонов.

Не очень ясно, кто такие *ачаны* (с.121, таблица), которых имеется 40 тысяч. Историк географии Б.П.Полевой искал *ачанов* на Амуре и считал их чьими-то предками, хотя по-маньчжурски *ачан* «собрание, съезд, сборище, толпа» - чем и вызван вопрос автора отзыва.

На некоторых страницах (с.78,.134, 135 137). непоследовательно оформлены сноски. В русскоязычном сегменте списка литературы попадаются работы на китайском языке (Ли Цзиньси).

Мы не нашли в библиографии работ Н.А.Спешнева – например, книги «Пекин – страна моего детства» (СПб., 2004). Среди теоретической литературы мы не нашли монографий петербургских авторов - А.С.Герда и М.А.Марусенко, активно занимающегося языковой политикой Франции.

Диссертация М.Я.Каплуновой очень хорошо оформлена технически (таблицы, карты, набор текста), в ней почти нет опечаток – но есть написание *пининь* (с.80), опечатка в названии одного из языков (с.120) и название *туцзя* пишется с вариантами (один из них там же).

Высказанные замечания, соображения и вопросы не сколько не снижают общего абсолютно положительного впечатления от обсуждаемой диссертации М.Я.Каплуновой и не могут влиять на ее очень высокую научную оценку и положительную квалификационную оценку. Хотелось бы, чтобы данная работа была рекомендована к изданию в виде монографии.

Автореферат и 15 публикаций, в том числе 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК для апробации диссертационных исследований, полностью отражают содержание диссертации М.Я.Каплуновой.

Достоверность и обоснованность положений и выводов диссертации явствует из проработанного автором большого объема информации, представленного в тексте работы и отраженного в Списке литературы к диссертации.

Диссертационная работа М.Я.Каплуновой «Языковая политика и функциональное развитие языков в КНР» представляет собой оригинальное,

самостоятельное и завершённое исследование в области общих проблем социолингвистики и языковой политики, а также в сфере языковой политики КНР и территорий, входящих в его состав и находившихся в его составе. Эта работа полностью отвечает требованиям пунктов 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» № 842 от 24.09.2013 г., а также тем требованиям, которые предъявляются к кандидатским диссертациям. Автор диссертации, М.Я.Каплунова, однозначно заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.

20 апреля 2017 г.

***Бурыкин Алексей Алексеевич,
доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Словарного отдела
Института лингвистических исследований
Российской Академии наук***

Email: albury@rambler.ru

Институт Лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, В-53, Тучков пер. д. 9.
Тел (812) 328-46-11